

①

○

+

✓

Для Эй-Мэй

*(к своему стыду, вплоть до весьма солидного возраста
я наивно полагала, что ее так и зовут — Эй-дефис-Мэй).*

Ты заслуживаешь всей любви на свете.

Я дарю тебе всю мою любовь и все эти слова.

ГЛАВА 1

ДНИ, КОГДА Я ПОТЕРЯЛА СВОЙ ДНЕВНИК СО СПИСКАМИ

- Фрэнк Синатра.
- Какая песня? — спрашивает Оден.
- Напиши просто «Фрэнк Синатра».
- Но мистер Грин просил нас указывать как можно точнее.

Картер вздыхает. Он сидит в траве напротив меня, обхватив руками колени, и спорит с Оденом. Я не вслушиваюсь в их разговор, потому что чересчур увлеченно наблюдаю за тем, как Картер закатывает рукава футболки. Белая ткань контрастирует с его темной кожей. Я никогда еще не попадала с ним в одну группу, и теперь, когда это случилось, не способна сосредоточиться ни на чем другом, кроме его физической формы.

Когда он переехал сюда, поступив в десятый класс, я, помню, подумала, как же сильно он отличается от богатых белых парней, которыми я всегда была окружена. Они — в шортах-бермудах и рубашках поло, он — в заношенных футболках и мешковатых баскетбольных шортах. Я не могла отвести глаз. Но когда он наконец встретился со мной взглядом, то сразу опускал его. Я почему-то думала, что он заметит меня, по-настоящему *заметит* меня, принимая во внимание нашу одинаково темную кожу, но нет. Он смотрел на меня ровно с таким же безразличием, как и на всех остальных.

— А, Куинн?

Я поднимаю взгляд от щетины на подбородке Картера к его глазам и обнаруживаю, что он смотрит на меня, его брови сошлись на переносице, словно он спрашивает себя, не чокнулась ли я.

Кровь приливает к моим щекам, я прикрываю рот кончиками пальцев.

— Какой был вопрос? — спрашиваю я Одена, потому что слишком боюсь снова взглянуть на Картера, ведь он уже третий раз за день ловит меня на том, что я таращусь на него.

Оден с нетерпеливым видом закатывает глаза:

— Есть предложения по саундтреку для нашего сценария о Джоне Кеннеди? Проекта, над которым мы работаем уже несколько часов.

Я опускаю руку к основанию шеи. *Точно.* Я сглатываю и ищу ответ в безоблачном небе.

— А какие песни у нас уже есть? — я тяну время, срывая несколько травинок.

Оден проверяет список, лежащий у него на коленях, раздраженно вздыхая. В этом весь Оден: он милый, но абсолютно не умеет расслабляться. Я уже попадала с ним в одну группу, и стоило нам только получить задание, как он сразу же принимался командовать. А еще он из тех, кто делает всю работу за свою группу, потому что никто никогда не бросается тут же выполнять его приказы. Люди склонны пользоваться этим. Я изо всех сил стараюсь не стать одной из них, но Картер...

Возьми себя в руки, Куинн!

Пока Оден зачитывает названия песен из нашего списка саундтреков, я достаю из рюкзака красную тетрадь на пружинке, пролистываю списки того, что нужно сделать и как это сделать, и дохожу до заднего раздела со всякими прочими списками. Если мне удастся сбросить свои мысли о Картере на бумагу, возможно, я смогу сконцентрироваться на убийстве Джона Кеннеди.

Картер...

1. *Классный. Во всех смыслах этого слова.*

2. *Привлекательный. Чертовски.*

3. *«Настоящий темнокожий парень» — я то и дело слышу это в коридорах нашей частной школы, подавляющее число учеников которой белые, из-за чего я задаюсь вопросом о том, насколько аутентична моя собственная чернота. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь называл меня настоящей темнокожей девушкой. По правде говоря, мне приходилось слышать только противоположное. Вот ему-то наверняка никогда не приходится общаться с белыми людьми, рассказывающими в его присутствии шутки о темнокожих. Наверное, это клево.*

4. *Ученик, сидящий-за-задними-партами с-вечно-приклеенным-к-парте-лбом, что только добавляет ему таинственности. Он никогда не делится своими мыслями на уроках, так что, видимо, я сейчас такая пришибленная именно потому, что внезапно получила к ним доступ.*

5. *Не привязан к материальному, как остальные парни в нашей школе. Ему как будто вообще плевать на бренды. Если это и вправду так, он молодец. Мне это нравится. Я тоже считаю себя достаточно непритязательной.*

6. *Внимательный к тому, как от него пахнет. Я чувствую его запах отсюда, и он совершенно не похож на омерзительные одеколоны, которыми пользуются другие парни. От Картера пахнет просто чистотой.*

7. *Не желает встречаться с девушками из нашей школы, и это, прямо скажем, удручает.*

8. *Игрок? До меня доходили слухи о том, что на вечеринке в прошлом году у них с Эмили Хэйс был секс. Но подтверждений тому нет.*

9. Типа асоциальный. Обычно он не зависает в компании белых ребят в школе, значит, у него не особо много друзей. Я видела его болтающим только с Оливией Томас. И каждый раз, глядя, как они вместе смеются, я жалею, что у меня нет темнокожих друзей.

— Хилари! — Я отрываю глаза от своего списка и вижу с любопытством уставившегося на меня Картера. — Ты ведь знаешь, что мы можем сдать только один список от группы, верно?

Он не видит текст у меня в дневнике, но у меня такое чувство, будто он знает, что я пишу о нем. Мои щеки пылают, я захопываю тетрадь.

— Я занята не этим. — Мой взгляд падает на блестящую красную обложку. — И, пожалуйста, прекрати так меня называть. Я на нее совершенно не похожа.

Он называет меня «Хилари» с тех пор, как сегодня приехал к моему дому. Он вышел из «Ниссана Верса», на котором его привез Оден, окинул взглядом мой дом, словно Уилл из сериала «Принц из Беверли-Хиллз»¹, и сказал:

— Йо-о-оу, я и не знал, что ты живешь вот так. Как Хилари Бэнкс, блин.

Мне кажется, я по меньшей мере *Эшли*.

Он с улыбкой смотрит на меня, положив руки на колени.

— Я думаю, что ты умнее Хилари. Но, готов поспорить, ты такая же избалованная. Можешь получить всё, что захочешь, надо только крикнуть: «Папочка!»

¹ Американский комедийный сериал с Уиллом Смитом в главной роли, показываемый в 1990–1996 гг. По сюжету уличный подросток из Западной Филадельфии переезжает жить к своим богатым родственникам в район Бель-Эйр (*здесь и далее — примечания переводчика*).

— Что, прости? — произношу я, оторопев. — Никакая я не избалованная.

— Да ты даже говоришь прямо как она! — он смеется, запрокидывая голову назад.

— Неправда! — мой голос становится ниже. — Я не говорю, как она.

Он трясет головой, игриво цокая.

— Да тут нечего стыдиться, Хилари.

Я закатываю глаза, будто бы от досады, но, если честно, я просто отвлекаю его внимание. Я не привыкла к тому, чтобы Картер вот так пялился на меня, а не бросал короткий взгляд, тут же отводя глаза.

— Кто такая Хилари? — спрашивает Оден, напоминая нам, что мы не одни.

— Тебя тогда еще на свете не было, приятель. — Картер встает, расправляя свою белую футболку. Делает шаг ко мне, загораживая собой солнце. — Мне нужно по-быстрому в туалет сгонять. Покажешь мне, где он?

Я с легкостью могла бы просто указать ему направление (пройти через прихожую и гостиную, первая дверь справа), но он предлагает мне возможность остаться с ним наедине. Как я могу отказаться?

Пульс грохочет у меня в ушах, пока он идет за мной к задней двери.

— Простите. Куда это вы? — спрашивает моя мать со своего кресла на патио. Всё это время она листала ленту в своем телефоне, «контролируя молодежь», словно мы все не двенадцатиклассники, которые через два месяца окончат школу.

— Я просто показываю Картеру, где туалет.

Она снова утыкается в телефон.

— Ладно. Сразу же возвращайся, Куинн.

Мне удается сдержать вздох. В смысле, я всё понимаю. Она не привыкла видеть у меня в гостях каких-то

парней, кроме нашего соседа Мэтта. Особенно высоких, темноволосых и красивых темнокожих парней.

Когда за ним закрывается дверь, я вдруг всем телом ощущаю, насколько наша кухня большая и пустая. Что мы совсем одни. Что, проводя его через гостиную, я и понятия не имею, на что он смотрит. Я провожу рукой по волосам на затылке, перекидывая их через плечо.

— У тебя прекрасный дом, Хилари.

Я поворачиваюсь и иду спиной вперед мимо белого, без единого пятнышка, дивана и деревянных приставных столиков.

— Почему ты меня так называешь? Мы же вроде определились, что я умнее ее? — спрашиваю я с усмешкой, подыгрывая ему в его маленькой игре.

Но тут он произносит:

— А так ли это?

Я ударяюсь спиной о косяк туалетной комнаты.

— Это что, шутка?

— Я имею в виду, — он пожимает плечами, направляясь ко мне и окидывая взглядом мебель в гостиной, — если ты поступила в Колумбийский университет, это еще не значит, что ты умная. Это значит только, что ты богатая.

При упоминании Колумбийского университета у меня внутри всё переворачивается. Его тон больше не игривый, как и выражение его лица. Моя усмешка сходит на нет, когда он оказывается рядом со мной в дверном проеме — так близко, что я чувствую его чистый запах.

— А ты, очевидно, ну очень богата, — он указывает на стоящую на каминной полке вазу стоимостью несколько тысяч долларов и шестидесятидюймовый электрокамин с имитацией живого огня. В его голосе звучит горечь. Потом он окидывает меня взглядом — от шлепанцев до пушистых волос. — Девчонкам вроде тебя не

приходится вкалывать и вполтину от того, как приходится вкалывать таким, как я.

Я сжимаю челюсти. Он и понятия не имеет, сколько усилий мне приходится прилагать. И даже будучи богатой, я по-прежнему одна из всего пяти темнокожих ребят в нашей школе. Я вынуждена иметь дело с тем же расистским дерьмом, что и он.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

Он задумчиво хмыкает, приподняв указательный палец.

— Я знаю, что ты поступила в Колумбийский университет.

Еще один укол в животе.

Он прищуривается и сбавляет тон.

— А еще я знаю, что ты отстаешь по всем предметам. Мои брови взлетают вверх.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я, не успев даже подумать о том, не лучше ли скрыть тот факт, что он прав.

— Это же очевидно, — улыбается, — а я наблюдательный.

Очевидно, что я отстаю? Но я ведь не ору на каждом шагу о своих далеко-не-впечатляющих оценках, так откуда, черт побери, он знает, что я отстаю? Да и вообще, кто он такой, чтобы об этом говорить? Он и сам-то на уроках ни слова не произносит, а за ручку, чтобы записать что-нибудь, берется еще реже. Сомневаюсь, что его оценки намного лучше моих.

Он кивает, словно проводя инвентаризацию всей нашей мебели.

— Готов поспорить, твой папа спонсировал библиотеку или что-то подобное, — его снисходительный взгляд останавливается на мне. — Насколько я вижу, для *тебя* это единственный способ попасть в Колумбийский университет.

Он произносит «тебя» так, словно точно знает, насколько я посредственная. Его бесцеремонное предположение заползает мне под кожу и гнездится там.

— Знаешь что? Туалет здесь, — я слегка киваю головой влево. — Всегда пожалуйста, — оттолкнув его плечом, я ухожу.

Да кем он себя возомнил? Я перекинулась с этим парнем от силы двумя словами, а он теперь считает, что знает обо мне всё. Я сказала, что он привлекательный? Я ошиблась. Он выглядит, как грязь под моими ботинками. И настолько же он мне теперь интересен.

Я хлопаю дверью патио, и задние окна звенят. Мама вскидывает голову. Ее глаза спрашивают меня, не выжила ли я из ума.

— Прости, — заблаговременно извиняюсь я.

Оден сидит с опущенной головой, изучая список саундтреков, когда я подхожу к нему. Я беру свой дневник со списками и перелистываю его до списка о Картере.

— Всё в порядке? — спрашивает Оден.

— Всё отлично.

Картер...

10. Осуждающий придурок.

11. Напыщенный ублюдок, строящий из себя всезнающего святошу.

12. Совсем не такой распрекрасный, каким кажется. Лучше б я никогда не заглядывала в его гадкие мысли.

Я размышляю, какие еще оскорбления стоит добавить, когда он выходит через заднюю дверь с самодовольной улыбкой. Я игнорирую его, когда он садится на траву.

— Твой папа дома, — произносит он, улыбаясь, но его улыбка выходит какой-то кривой, словно ему сложно ее удержать. — Увидев меня, он решил, что я граби-

тель, — Картер опускает глаза, поджимая губы. — Он, кажется, не привык видеть у себя дома настоящих ниггеров.

У меня внутри всё сжимается, по спине стекают капли холодного пота. Оден поднимает глаза.

— Так что я пошел, — Картер кивает, злой, расстроенный и обиженный. Он смотрит на меня так, словно готов повторить: «Я же тебе говорил. Я говорил, что точно знаю, кто ты». Но он ошибается. Это всё просто ошибка.

Я роняю дневник в траву и устремляюсь к патио. До мамы долетают ураганные ветра от моих рук.

— Куинн, что случилось?

Я застаю отца на кухне, он уже одной ногой на лестнице, с рабочими туфлями в руке.

— Что ты сказал Картеру?

Он оглядывается на меня через плечо, приподнимая брови.

— А кто такой Картер? — он включает дурачка, но у меня нет на это времени.

Я указываю на дверь за мной.

— Парень, который только что вышел отсюда. Ему показалось, что ты принял его за грабителя.

— Дезмонд, это правда? — шипит мама, прикрывая за собой дверь.

— Я *не* принял его за грабителя, — он морщится, — во всем доме не было ни души, за исключением незнакомца, вышедшего из моего туалета. Я всего лишь спросил, что он делает в моем доме.

Я закатываю глаза, тряся головой. Теперь я могу себе представить: Картер выходит из туалета, а папа идет через прихожую, уже сняв обувь у двери. Когда они замечают друг друга, раздается голос папы: «Что ты делаешь в моем доме?» с ясно читающимся в глазах обвинением. Но он в этом никогда не признается и не станет за это извиняться. Он никогда ни за что не извиняется.